

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. И. Мусихин

Деформация механизма
формирования национального
интереса

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/2001_1_Musikhin.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Деформация механизма формирования национального интереса

Г.И. Мусихин

Для меня основное в этой дискуссии — соотношение национального и государственного интересов. Вместе с тем я согласен с идеей неперемного разграничения понятий национального интереса и национальной идеи (С.Баранов), однако при некотором смещении акцента: здесь важнее не их различия, а взаимосвязь.

Национальный интерес можно определить как результат общенационального консенсуса. Таким образом, это результирующая (ни в коем случае не суммирующая) величина, получающаяся при согласовании различных устремлений групп интересов гражданского общества и интересов органов государственной власти. Последний компонент, на мой взгляд, не менее обязателен, чем первый, так как государственная власть как институт даже в развитой либерально-демократической политической системе имеет свою логику развития и собственные цели, не сводящиеся к удовлетворению нужд гражданского общества. Раз национальный интерес есть результирующая взаимодействия достаточно разнообразных компонентов, то по своему содержанию он не может принципиально отличаться от национальной идеи, которая, безусловно, не является копией национального интереса из-за своей ярко выраженной ценностной окраски и механизмов мифологизации, срабатывающих при внедрении данной идеи в массовое сознание.

Уместен вопрос о том, что представляет из себя механизм формирования национального интереса, каким образом из очень разнородных элементов складывается то, с чем, в принципе, должны согласиться все более или менее значимые социальные и политические сегменты какой-либо страны. Одна из самых оригинальных теоретических моделей согласования интересов принадлежит известному немецкому социологу Н.Луману, который предложил свою концепцию со-

циальной власти как способа создания, воспроизводства и координации различных общественных структур, интересов, норм, ценностей и смыслов. Модель социальной власти (в самом упрощенном виде) состоит из двух элементов: во-первых, символической генерализации вышеуказанных общественных структур, интересов, норм, ценностей и смыслов, ведущей к обобщению социальных ожиданий; во-вторых, редукции поведения индивидов и их групп к определенным образцам действия. Совокупность этих двух компонентов образует ценностно-инструментальный код по отношению к целям социальной координации поведения. Подобный код и есть, по мнению Лумана, социальная власть.

Если применить такую модель к процессу выработки национального интереса, то получится, что символическая генерализация как обобщение социальных ожиданий является результатом взаимодействия (конфликтного или сотрудничающего — в данном случае — вторично) государственных институтов и гражданского общества. В этой ситуации никто не может монополизировать не только право, но и саму возможность понимания и воплощения национального интереса как общего блага для данной страны. Поэтому возможности редукции поведения к образцам действия жестко детерминированы и достаточно ограничены: определенные интересы гражданского общества требуют конкретного ответа органов государственной власти. И наоборот — те или иные действия государственной власти предполагают предсказуемую реакцию общественных групп интересов. Вариативность реакций, конечно же, существует всегда, но различные версии при этом не могут быть взаимоисключающими. В подобном контексте национальный интерес представляет собой довольно статичный, прозрачный и предсказуемый феномен.

Теперь посмотрим, каким образом принятая мною в качестве базовой теоретическая конструкция может быть адаптирована к российским реалиям, и что именно происходит с процессом определения национального интереса в нашей стране. На мой взгляд, один из самых выраженных признаков современной (и не только современной) России — самодостаточность государственной власти как института, которая очевидно всего проявляется в процессе самовоспроизводства властной системы. Несмотря на радикальную трансформацию государства и общества в процессе перехода России от советской к постсоветской социально-политической и экономической системе, механизм подбора кадров, выработка и принятие подавляющего большинства ключевых политических решений органами государственной власти по-прежнему имеют сугубо номенклатурный характер. В этой ситуации, по-моему, преждевременно (или вообще невозможно) рассуждать о корпоратизме системы государственной власти в России, ибо производство главных решений находится в почти исключительной компетенции тех лиц и группировок, которые контролируют исполнительную вертикаль федерального властного центра, а мнения сил, владеющих серьезными экономическими и политическими ресурсами, могут вообще быть проигнорированы высшим государственным руководством Российской Федерации. И самое главное — эти силы не имеют институциональных способов для вмешательства в принятие основных политических решений (декабрьские парламентские выборы 1999 г. тому подтверждение).

По отношению к такой самодостаточной власти признак авторитарности, по моему мнению, является вторичным, так как она может позволить себе быть формально демократической, в т.ч. и в

силу деформации механизма формирования национального интереса в России. Ибо самодостаточная власть не только не опирается на редуцированные образцы поведения различных групп гражданского общества — она вообще свободна от влияния этих образцов. Поэтому определенные и отчетливо выраженные (что очень существенно) интересы гражданского общества не приобретают по отношению к государственной власти обязывающего характера. В такой ситуации устойчивое обобщение социальных ожиданий отсутствует, а это означает полное отсутствие реальных стержневых идей или явлений, на основе которых происходила бы генерализация данных ожиданий. Последнее обстоятельство ведет к чрезвычайному возрастанию степени манипулируемости обществом. Я думаю, что две последние общенациональные избирательные кампании это ярко продемонстрировали.

В подобных условиях социальная власть как ценностно-инструментальный код по отношению к целям социальной координации поведения заменяется квазикодом, превращаясь из реального механизма образования национального интереса в псевдомеханизм, формирующий псевдонациональную идею, которая строится не на основе устойчивых гражданских интересов и культурных ценностей, а лишь на базе общественных настроений, подверженных достаточно сильной манипуляции. По сути дела национальный интерес превращается в инструмент господства исполнительной властной вертикали, которая не позволяет артикулировать, агрегировать и провести многие интересы гражданского общества через систему государственных институтов. В таком случае национальная идея выступает как механизм манипуляции массовым сознанием, препятствующий формированию реального общенационального интереса.